

Игра Сахарова

Редакция БАБР.RU не разделяет точку зрения автора, однако публикует данный текст для его обсуждения читателями.

Все мы на собственной шкуре испытывали один нехитрый закон общественной жизни, несколько напоминающий ньютоновский третий: социальное действие равно социальному противодействию. Так, любая точка зрения, имеющая горячих поклонников, наверняка имеет не менее горячих противников. Если какие-то люди что-то из всех сил возносят, то, будьте уверены, рано или поздно найдутся другие люди, которые станут это же самое ниспровергать. Любая общепризнанная ценность кем-нибудь да оплёвывается, а любая гадость – даже самая отвратительная – наверняка кому-нибудь да кажется панацеей от всех бед и спасением человечества. Такова уж человеческая натура, скупаемая духом противоречия.

Однако тут есть одна тонкость. Понятно, что любой публично поклоняемый кумир кому-нибудь не люб, и где-нибудь обязательно предаётся проклятиям и поруганиям. Однако пока сами жрецы данного кумира честно верят в его величие, к ним нельзя, по крайней мере, предъявить претензии по моральной части: они, может быть, и заблуждаются, кадя какому-нибудь злему демону, но уж, по крайней мере, заблуждаются честно. Может быть, их всех стоит перебить – но уж, во всяком случае, их не стоит презирать.

Всё меняется, когда поклоняемого кумира презирают сами жрецы – заставляя, однако, всех остальных падать ниц перед идолищем. Оправдывается это обычно либо интересами паствы – «этим олухам нужно же во что-то верить», либо, более цинично, интересами самого жреческого сословия – «а иначе мы лишимся своей доли от жертв». В любом случае, тут уже никакие разговоры об истинности или ложности защищаемых ими идеалов перестают иметь значение: даже если эти идеалы сами по себе прекрасны и удивительны, но защищает-то их банда мошенников и проходимцев, которых надо в любом случае гнать от алтаря поганой метлой.

В этом смысле особенно показательна кумирня нашей либеральной общественности. Как известно, у неё есть свой иконостас, заполненный светлыми ликами борцов за дело свободы. Лики имеются на все вкусы – от Чадаева и до генерала Пиночета, от Достоевского и до Абрама Терца, от генерала Власова и до перебежчика Суворова-Резуна, от писателя Солженицына до академика Сахарова. Либеральная общественность всё время тычет несчастное общество носом в эти иконы и заставляет всех остальных выказывать к ним всяческий пиетет и регулярно приносить соответствующие подношения. В том числе и вполне материальные, о чём ещё пойдёт речь. Но главное – это требование безусловного пиетета: вот наши святыни, вот наши кумиры, вот кто нас благословил на наше правое дело. Смотрите, профаны, и цепенейте: они – молитвенники за грехи наши.

Однако тут-то и прячется чёрт. Отношение к почитаемым на словах святыням сильно меняется, как только мы покидаем область публичного словоговорения и касаемся тем, обсуждаемых во «внутреннем круге». Тут-то и выясняется, что картинка «для своих» очень сильно отличается от предъявляемой вовне – что наводит на соответствующие невесёлые мысли.

Особенно это касается современных кумиров и кумирчиков. Чтобы не ходить далеко: широко разрекламированный правозащитник Сергей Адамович Ковалёв, лучший друг чеченского народа и несгибаемый борец с русским фашизмом, в «своей» среде воспринимается как человек не очень здоровый по части головы. Профессиональный борец за свободу слова Женя Киселёв имеет репутацию (заслуженно или нет, не мне судить) мелкого стукача, которому разок свезло с трудоустройством. Больше уважения к себе вызывает растиньяк Малашенко, чей опыт хождения по трупам и необычайный цинизм вошли в легенды. Количество же злословия, весело и со вкусом выливаемого на всякого рода «немцовых», «хакамад», и прочих публичных деятелей того же разбора, просто не поддаётся описанию. Ну а что касается таких новообретённых борцов за дело среднего класса и гражданского общества, как «гусинские-березовские» (или какие-нибудь «боровые»), то тут уж даже «внешние» прекрасно понимают, как на самом деле к этим людям относятся господа-товарищи либералы, и насколько эти чувства взаимны...

Но не стоит, однако, полагать, что для либеральной публики совсем уж нет ничего святого. Пена дней – это одно, а по-настоящему святые лики – это совсем другое. Существует известное количество имён, культ которых не омрачён внутренними дрязгами. В основном это, конечно, покойники - благо вреда от них никакого, а польза велика. Впрочем, в числе покойников, бывает, значатся и формально живые. Например, в нынешних либеральных святцах значится некоторое количество персоналий, «приравненных к усопшим». Самым известным примером является Александр Исаевич Солженицын. Как Великий Писатель Земли Русской, Лауреат Нобелевской Премии, Автор Одного Дня Ивана Денисыча И Архипелага ГУЛАГа, В Котором Он Открыл Всему Миру Правду О Кровавом Советском Режиме, он чрезвычайно чтим. В качестве реального человека, всё ещё живого, и даже время от времени высказывающего какие-то суждения по поводу происходящего, он объявлен «выжившим из ума стариканом», лишён аудитории, презираем, и является мишенью для постоянных насмешек и издевательств. То есть существует как бы два Солженицына – Солженицын-1, старый заслуженный борец с советским тоталитаризмом (скончавшийся где-то в момент написания брошюры «Как нам обустроить Россию»), и Солженицын-2, недемократический, замшелый и тоталитарный, который что-то там бормочет про геноцид русского народа, про смертную казнь для преступников, и так далее. При этом все писания и идеи Солженицына-1 преспокойно присвоены либеральной тусовкой, и даже возведены в каноническое достоинство.

Но всё это мелкие шероховатости. Поскольку венчает всю пирамиду либеральной мифологии некая воистину циклопическая фигура, безупречная до кончиков ногтей. Я имею в виду академика Андрея Дмитриевича Сахарова, о котором мы и собираемся поговорить.

Сначала - вводные. Официальный либеральный миф гласит, что академик Сахаров был одновременно гением и святым. Гениальность свою он проявил в области физики, в которой он совершил некие потрясающие открытия и прорывы. При этом они имели весомый, грубый, зримый эквивалент – например, советское атомное оружие, якобы изобретённое Сахаровым лично. Святость же его проявилась в том, что весь свой громадный авторитет, заработанный на атомных полигонах, академик поставил на службу идеям мира, прогресса и демократии. Косное советское начальство, не боявшееся ни чёрта, ни дьявола, трепетало перед гением, и склонялось перед его волей даже в важнейших международных вопросах. В частности, именно Сахарову приписывается инициатива Московского Договора о запрещении испытаний ядерного оружия в трех средах от 1963 года, который советские вожди подписали исключительно под нажимом Академика. До того, впрочем, он спас страну от эпидемии повальной неграмотности, выступив против планов Хрущёва о сокращении среднего образования. Он же в 1964 году избавил от гнёта шарлатанов и убийц отечественную биологическую науку, уничтожив одним выступлением страшную «школу Лысенко». Наконец, академик бросил прямой вызов властям, в 1968 г. опубликовав манифест «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе», где впервые высказал идеи, которые впоследствии были положены в основу Правозащитного Движения. (Которые до сих пор остаются немеркнувшей путеводной звездой для всех людей доброй воли.) Насмерть перепуганное советское начальство, наконец, осознало весь ужас своего положения, и в бессильной злобе подняло руку на гения: он был преступно лишён допуска к постам, связанным с военными секретами. Позже он был принят в Институт имени П.Н. Лебедева на должность старшего научного сотрудника – самую низкую из тех, которую может занимать советский академик. В 1970 г. совместно с другими советскими физиками Сахаров основал комитет «За права человека» – «головную» организацию правозащитного движения, и с этих пор полностью погружается в политику, занимаясь в основном выступлениями перед западными журналистами, а также писанием и подписыванием разнообразных бумаг – писем протеста, воззваний, призывов, и иных жалоб в вышестоящие инстанции советского и мирового уровня. Во время пикетирования зала суда, где бессудным судом судили очередных диссидентов, Сахаров знакомится с пламенной Еленой Боннэр, с которой через год сочетается законным браком: отныне они будут вместе до конца, и даже более того.

Жалкие попытки соввласти оклеветать и очернить светлый облик Академика только подогревают интерес к этой фигуре. Простые советские люди тоже понимают, что к чему. Во множестве мемуаров о Сахарове упоминается анекдот о мужичке, который, в разговоре с интеллигентным собеседником, вдруг выражает уверенность, что от начальства, конечно, можно ожидать всего, но вот, например, цену на водку оно не подымет. На вопрос – «почему же?» – собеседник с уверенностью в глазах отвечает: «Академик Брежневу такое не разрешит!» Это, скорее всего, апокриф, но совсем не апокрифом были потоки писем, шедшие на адрес Академика с просьбами «пособить того-сего» и «найти укорот» на какое-нибудь местных чинуш – то есть он начинает восприниматься как некая Вышестоящая Инстанция. Говорят, на одном из таких писем стоял выразительный адрес: «Москва, Министерство прав и защиты Человека, А.Д. Сахарову». Эта наивная оговорка, кстати, неожиданно точна: положение Академика в глазах народа воспринималось примерно как министерское. Вскорости оно подтверждается «с той стороны»: в 1975 году Сахаров, по представлению Солженицына, получает Нобелевскую Премию Мира.

Награду принимает Елена Боннэр (по её словам, Сахарову было недосуг слетать в Швецию, поскольку он был крайне занят в Вильнюсе, защищая очередного диссидента). Она же от его имени читает Нобелевскую лекцию. Собственно говоря, с этого момента Боннэр и становится официальной и.о. Сахарова. Более того, её устраивает эта роль. В дальнейшем она не упустит ни одной возможности выступить «от имени и по поручению».

В восьмидесятом году Сахаров гневно осуждает «советское вторжение в Афганистан». Тут уж терпение начальства кончается, и его подвергают – о ужас! – депортации в город Горький, где держат под домашним арестом и не дают видаться с Е.Б. Разлучённая с мужем супруга, однако, прекрасно исполняет его обязанности, лихо сражаясь с соввластью разными хитрыми способами. В конце концов, её присоединяют к мужу, после чего начинается знаменитый «период голодовок».

Правда, поводы для столь радикальных мер были в основном личными. Сначала, в 1981 состоялась голодовка Сахарова и Боннэр за право выезда Елены Алексеевой в США к жениху, сыну Елены Боннэр. Выезд был разрешен Брежневым после личной просьбы Президента Академии Наук СССР. Летом 1984 г. Сахаров провел безрезультатную голодовку за право жены на поездку в США для встречи с родными и лечения. Это оказалось столь важно, что даже насильственная госпитализация (с принудительным кормлением) не сломили академика. Мотивы и подробности этой голодовки Сахаров сообщил осенью в письме А. П. Александрову, в котором просил оказать содействие в получении разрешения на поездку жены, а также заявлял о выходе из Академии наук в случае отказа. Апрель — сентябрь 1985 г. — последняя голодовка Сахарова с прежними целями; вновь помещение в больницу и насильственное кормление. Разрешение на выезд Боннэр было выдано только в июле 1985 г. после письма Сахарова к Михаилу Сергеевичу Горбачеву с обещанием сосредоточиться на научной работе и прекратить общественные выступления, если Елене Боннэр всё-таки дадут уехать в Соединённые Штаты.

Это был пик мученичества: уже после своего политического воскрешения Москве Сахаров сказал Михаилу Левину: «Ты знаешь, в больнице я понял, что испытывали рабы Древнего Рима, когда их распинали».

Но дальше происходит чудо. В новом письме Горбачеву 22 октября 1986 г. Сахаров просит отпустить его в Москву, опять же обещая вести себя тихо и смирно, бросить занятия политикой и провести остаток дней в трудах на ниве теоретической физики. Вместо этого 16 декабря 1986 г. Горбачев звонит Сахарову по телефону, и произносит следующую фразу: «возвращайтесь и приступайте к своей патриотической деятельности». В «сахаровских» кругах именно это событие считают началом «перестройки», отказывая в таком достоинстве известному «апрельскому пленуму».

Через неделю Сахаров вместе с Боннэр вернулся в Москву, где опять погружается в пучину диссидентско-правозащитной деятельности. В 1988 г. он избран почетным председателем общества «Мемориал», в 1999 – народным депутатом. Во время знаменитых сессий Верховного Совета СССР он потрясает трибуну своими выступлениями. За нарушение регламента (попросту, он говорит столько времени, сколько считает нужным) ему несколько раз отключают микрофон, что расценивается всей прогрессивной общественностью как очередное неслыханное гонение на гения. Сахаров скончался от сердечного приступа 14 декабря 1989 года, после напряженного дня работы на Съезде народных депутатов. В качестве последних слов Академика обычно приводят фразу «Завтра будет бой!», сказанную одному из ближайших соратников по телефону. Его уже остывшее тело нашли на коврик в прихожей. Тут же, разумеется, пошли разговоры о том, что Сахарова «убило КГБ». Елена Боннэр эти разговоры не поддерживала, но и не опровергала. Похороны Андрея Дмитриевича превратились в грандиозную манифестацию, на которую пришли сотни тысяч людей.

Но на этом земная жизнь Академика отнюдь не закончилась. В отличие «мёртвого при жизни» Солженицына, Сахаров и теперь живет некоторых живых. В настоящий момент его замещает его вдова, Елена Боннэр.

Тут придётся немного притормозить и дать пояснения. В принципе, обычная роль близких родственников почившего в бозе великого человека – это хранение наследия, разбор архивов, публикация рукописей, и писание мемуаров. Это занятия достойные и почётные, поскольку помогают сберечь облик и труды гения для потомков. Всё это предполагает и некоторую общественную активность, наподобие устройства разного рода мероприятий по увековечению памяти великого человека и воздвижению ему рукотворных или нерукотворных монументов. Иногда, разумеется, дело не обходится без того, что называется «спекуляция именем» – то есть когда человек начинает пользоваться покойным родственником в каких-нибудь личных целях. Чаще всего это совершенно безобидно. И когда старушка-вдова, воздев на нос очки, произносит что-нибудь навроде «а вот мой муж обязательно сказал бы, что...», а дальше идёт суждение самой старушки, мы лишь тихо улыбаемся про себя, но ничего не говорим вслух – даже если точно знаем, что покойный её супруг имел по означенному вопросу мнение прямо противоположное.

Однако, вдова Андрея Дмитриевича – больше чем вдова. Её роль – это роль заместителя, регента, а вообще – Исполняющей Обязанности покойного академика. Интересно, что это место закреплено за ней даже формально: в завещании Сахарова указывается (крайне необычное) исключительное право Елены Боннэр говорить от его имени. То есть, в её устах высказывание «академик Сахаров сказал бы то-то и то-то» имеет совершенно иной вес. Впрочем, чёрт с ним, с завещанием: это, в конце концов, момент формальный. Важно то, что право говорить от имени покойного единодушно признано всей либеральной интеллигенцией, как отечественной, так и западной. Более того, оно постоянно подтверждается разного рода ярлыками на представительство, выдаваемыми авторитетными инстанциями. Из последнего: в этом году Елена Боннэр получила крайне престижную «премию за гражданское мужество», учреждённую немецким Фондом Генриха Бёлля. Лауреата этой награды (в 15 тысяч марок) определяет ежегодно международное жюри. Её вручение проходит в Бремене, сенат которого является соучредителем премии. Выступая на церемонии вручения награды, бременский бургомистр Хенниг Шерф особо подчеркнул, что Елена Боннэр вместе с покойным супругом, нобелевским лауреатом академиком Андреем Сахаровым, «внесли весомый вклад в утверждение нового политического мышления, став символом надежды для многих людей, и возвысив свой голос против засилья тоталитаризма». Это, кстати, ординарное событие: всякие премии и награды Боннэр получает с завидной регулярностью. В их числе, например, такая экзотика, как орден Великого князя Литовского Гедиминаса 3-ей степени, полученный великой вдовой от благодарного литовского государства в девяносто девятом. При этом, как обычно, подчёркивалось, что награждение Боннэр орденом является одновременно признанием заслуг самого Сахарова (и тогда же в честь академика была названа одна из вильнюсских площадей). Ну и, само собой, ей предоставляют на Западе лучшее время в эфире и на первых полосах газет, приглашают с докладами о положении дел в России в Сенат США и парламенты европейских держав. Да, кстати, забыл сказать по поводу денег: не нужно думать, что помянутые ради точности пятнадцать тысяч марок сколько-нибудь значимы для Елены Георгиевны. Она распоряжается миллионами. Думаю, всем памятна история с Центром Андрея Сахарова в Москве, которому Борис Абрамович Березовский пожертвовал три лимона «грин». А Елена Боннэр, прежде чем взять деньги, ещё и всласть покочевряжилась, прекрасно понимая, что дать денег Великой Вдове – это само по себе честь, которую ещё надо заслужить... И всё это за то, чтобы вдова продолжала Исполнять Обязанности.

Теперь приступим к анализу. Во всей этой занимательной истории есть несколько интересных моментов. Прежде всего, обращает на себя внимание крайне положительное, чтобы не сказать больше, отношение «кровавого большевистского режима» к нашему герою. С тех пор, как в 1947 году личным приказом Сталина Сахарову было присвоено академическое звание (в то время Сахаров был простым аспирантом), началась усиленная «раскрутка» образа великого учёного, которая, судя по всему, шла со стороны руководства Академии. В 1953 г. в возрасте 32 лет Сахаров был избран действительным членом Академии наук по физико-математическому отделению. Представлявший его академик И.В. Курчатов сообщил на собрании отделения: «Этот человек сделал для обороны нашей Родины больше, чем мы все, присутствующие здесь». Сахаров стал самым молодым ученым, когда-либо избравшимся в Академию наук СССР – элитарный правящий орган советской науки. В дальнейшем именно эта инстанция Сахарова всячески опекала, идя ради него даже на конфронтацию с высшим руководством страны. Далее, сахаровская деятельность очень долго не встречала никакого сопротивления. Среди минсредмашевских работников до сих пор ходит рассказ о том, как Сахаров распространил свое первое письмо: вызвал зама по режиму, вручил текст, и велел ознакомить всех спецов министерства. После чего людей вызывали в первые отделы и заставляли под расписку это читать. Есть ещё целый ряд историй, полуанекдотических-полулегендарных, о том, как вёл себя Сахаров с партийным руководством – именно, как «власть имеющий». И суровые «партократы», преспокойно зарубившие «генетику-кибернетику», почему-то терпели это, «сдавали назад», шли на компромиссы и соглашения. В воспоминаниях Б. Альтшуллера есть такое примечательное признание: «...невероятно, но факт: его голос проникал на самую вершину власти в СССР и в других странах, его действия и его мнение - частное мнение независимого эксперта, его позиция по стратегическим вопросам ядерного разоружения - рассматривались и анализировались при принятии важнейших решений. «Вы находитесь на верхнем этаже власти», - заметил мой отец Л.В. Альтшулер (также входивший в группу ученых - разработчиков советских ядерных вооружений), посетивший Сахарова вскоре после его возвращения из ссылки в декабре 1986 года. «Я не на верхнем этаже. Я рядом с верхним этажом, по ту сторону окна», - ответил Андрей Дмитриевич...» Впрочем, меланхолично замечает автор мемуаров, «многое, связанное с Сахаровым может быть определено словом «чудеса». К «чудесам», равно как и к загадочной «второй стороне окна» мы ещё вернёмся, а пока отметим про себя, что фразочка «Академик Брежневу не разрешит», похоже, имела под собой какие-то основания.

Придётся также чуть-чуть остановиться на теме «Сахаров – создатель советского атомного оружия». Знатки вопроса при этом обычно добавляют, что речь идёт не об атомной, а о водородной бомбе, и что Сахаров всё-таки не является автором «атомного секрета», а лишь какого-то очень важного его компонента. Дальнейшие уточнения заводят в тупик. Согласно одной из версий, Сахаров занимался расчётами динамики ядерного

взрыва. Согласно другой – проблемами электромагнитных полей. Согласно третьей, именно ему принадлежит идея обжигания термоядерного топлива атомным взрывом. Впрочем, все сходится на том, что роль Сахарова в проекте была весьма велика, но роль «отца сверхоружия» ему всё же приписана задним числом, что, разумеется, не отменяет его несомненных научных заслуг. Впрочем, они были отмечены по достоинству партией и правительством: три звезды Героя Соцтруда, и многочисленные премии – это не хухры-мухры.

Но куда интереснее роль Сахарова в советской ядерной политике. Так, очень любопытна история советского моратория на ядерные испытания. В 1958 г. появились две статьи Сахарова о вредном действии радиоактивности ядерных взрывов на наследственность и, как следствие, снижении средней продолжительности жизни. По оценке Академика, каждый мегатонный взрыв приводит в будущем к 10 тысячам жертв онкологических заболеваний. В том же году Сахаров пытался повлиять на продление объявленного СССР моратория на атомные взрывы. Сахаров составил меморандум для руководителя коммунистической партии Никиты Сергеевича Хрущева. Смысл текста сводился к тому, что испытания «не нужны» и лишь провоцируют гонку вооружений, а посему их следует запретить навсегда. В результате чего мораторий продолжался еще три года. И был прерван в 1961 году, причём весьма эффектно: испытанием сверхмощной 50-мегатонной водородной бомбы, за создание которой Сахаров был награжден третьей медалью Героя Социалистического Труда. Взрыв бомбы произвёл громадное впечатление на мировую общественность, и в 1963 году был подписан Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в трех средах.

Тут уже начинает нечто вырисовываться. Обращает на себя внимание тактика советского руководства: с одной стороны, дышащие гуманизмом статьи академика Сахарова, и его же ходатайства перед Хрущёвым, а с другой – водородный бэмц на всю планету, к которому Сахаров тоже был непосредственно причастен. Однако, и то, и другое действие явно имели в виду одну и ту же цель: Договор. Который в итоге и был подписан.

Надо ли это понимать так, что академик, что называется, «выполнял задание» советского руководства, или хотя бы какой-то его части? Да и нет. Нет – в том смысле, что он, безусловно, не становился во фрунт перед Хрущёвым, который давал ему очередное задание. Да – в том смысле, что Академик, похоже, таки был использован для указанной выше цели. Вопрос – каким образом?

Тут придётся углубиться в весьма деликатную сферу. Обычная картина «советского правления» как абсолютно жёсткой, «административно-командной» вертикали, упирающейся в фигуру очередного генсека, далека от действительности. На самом же деле на верхах существовали свои «партии и группы», которые вели между собой ожесточённую борьбу, причём не только «за власть и влияние», но и за разные перспективы развития страны. В эту борьбу была вовлечена не только «высшая номенклатура», но и все те, кто с ними непосредственно соприкасался. Прежде всего, это касалось «творческих элит» – таких, например, как «советская наука» и «советское искусство». Уровень вовлечённости соответствующих персонажей во властные игры был разным, но он никогда не был равен нулю, а иногда достигал очень внушительных величин. Сахаров, несомненно, входил в эту размытую, но вполне узнаваемую группу неформальных советских политиков, причём верхнего эшелона. И, конечно, Запад тоже играл в эту игру. Более того, сам институт «неформальной политики» был разработан именно там, и до сих пор играет крайне важную роль.

Дело в том, что легальная политика – очень жёсткая область, где позволено далеко не всё. Есть вещи, которые публичный политик просто не может себе позволить высказать вслух. Зато их может высказать популярный артист, мыслитель, учёный, художник, религиозный деятель. Спрос с них невелик – в конце концов, человек просто высказывает своё мнение. На самом деле он «подаёт сигналы», «создаёт информационные поводы», «озвучивает позиции», то есть занимается неформальной политической деятельностью. Которая иногда сильно противоречит официальной позиции властей. Что иногда позволяет и с печки упасть, и попку не ударить. Несколько примеров – весьма, весьма гипотетических. Допустим, правительство США заинтересовано в том, чтобы поддерживать хорошие отношения с Китаем, но при этом всячески поощрять тамошних сепаратистов. Понятно, что делать это открыто и цинично невозможно. Значит, какую-то часть этой политики надо перенести в неформальную сферу. Допустим, официальной линией партии является любовь и дружба с Пекином. Значит, поддержку тибетского сепаратизма надо оформить как-то иначе. И вдруг такое совпадение – на Западе вспыхивает мода на тибетский буддизм. Модные актёры увлекаются медитацией, музыканты начинают шептать мантры, книжки учителей тибетских школ расходятся миллионными тиражами. Одновременно начинают функционировать всякие «общества дружбы с народом Тибета». Далай-Лама, бежавший из захваченного китайцами Тибета, непрерывно разъезжает по западным странам с лекциями, где уделяет немалое внимание вопросам нарушения прав человека на своей родине. «Тибетский вопрос» непрерывно будируется – так что власти, даже если бы хотели, ну никак не могут о нём забыть. Если интерес спадает, Далай-Лама получает Нобелевскую Премию Мира...

Впрочем, такие же вещи приходится иногда делать и во внутренней политике. Всё экстравагантное, непопулярное, тревожащее публику, сначала высказывают разного рода «неполитические люди», и лишь потом за дело берутся мастера легальных процедур.

Советское руководство время от времени тоже нуждалось в такого рода «озвучке». В основном это касалось тех идей, которые по разным причинам не могли быть высказаны от его собственного имени, но на самом деле были ему крайне важны. Это касалось как некоторых деликатных внутренних проблем (достаточно вспомнить ту же историю с «поборанием лысенковщины»), так и, в особенности, вопросов внешней политики.

Итак, мы должны, наконец, указать настоящую роль Андрея Дмитриевича. Это советский теневой политик, причём высокого полёта: вопросы ядерной безопасности страны кому попало не доверяют. Он действительно находился на «верхнем этаже власти», хотя и в её «неформальном секторе».

Здесь, пожалуй, имеет смысл обратиться к идейному наследию Академика. Интересно отметить, что реальный интерес к многочисленным писаниям Сахарова в либеральной среде крайне низок, если не отрицателен. Разумеется, перед публикой все эти люди потрясают томами его сочинений и клянутся в верности заключённым в них истинам. Однако, никто их не читает. Пресловутые «идеи Сахарова» на поверку оказываются чем-то вроде «идей чучхе» – известно, что они есть, но никто толком не может сказать, в чём же они заключаются на самом деле.

А между тем идеи у Сахарова были. Более того, они заслуживают пристального внимания.

Принято считать, что с появления знаменитых «Размышлений о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе», ушедших в Самиздат, Сахаров окончательно и бесповоротно противопоставил себя «советской системе», поскольку, дескать, наговорил там какой-то жутчайшей крамолы. Но, ежели всё-таки почитать текст «Размышлений», с удивлением обнаруживаешь, что ничего принципиально неприемлемого для советского строя Сахаров там не проповедует. Напротив, это набор штампов, общих мест. Например, изрядную долю «размышлений» составляет классическая советская «борьба за мир», несколько адаптированная для западного читателя. Также там присутствуют ресурсно-экологические страшилки, в ту пору пропагандируемые неформальной организацией «Римский Клуб». Есть там, впрочем, и про свободу слова – ну, так как же без того.

Главным же содержанием «Размышлений» является идея «конвергенции двух систем». Имеется в виду та мысль, что Запад и Восток (прежде всего США и СССР) должны прекратить соперничество, которое только истощает ресурсы обеих сторон, и заняться фактическим сближением. При этом предполагалось, что в будущем разница между капитализмом и социализмом сойдет на нет в результате заимствования каждой из конкурирующих моделей наиболее привлекательных черт у своего противника. Впоследствии этот текст Сахарова многократно печатался на Западе – совокупным тиражом более двадцати миллионов экземпляров.

А ведь в тот момент проповедь таких идей была объективно выгодна именно СССР. Советское руководство знало, что серьёзную гонку вооружений страна не выдержит. Это, кстати, не имело никакого отношения к сравнительным достоинствам капитализма и социализма. Просто изолированная от мировой экономики страна, с немногочисленными и ненадёжными союзниками, была объективно слабее объединённого Запада. Именно отсюда растут ноги советской «борьбы за мир».

Разумеется, стоял вопрос о том, как далеко можно заходить в этой самой борьбе. Андрей Дмитриевич просто озвучивал, до какого предела готовы пойти Советы, и что они хотят за это получить. Если перевести идеи Сахарова на язык политических торгов, получается вот что. Советский Союз в обмен на принятие его в «клуб развитых держав» готов допустить серьёзные изменения своего общественно-политического устройства. В частности – провести демократизацию, отказаться от использования силовых методов во внутренней и внешней политике, и тесно координировать все свои действия с Западом. «Социализм», скорее всего, будет оставлен – более того, разработанные в СССР методы планирования экономики могут оказаться полезными для всех остальных... И так далее. Разумеется, эти идеи не были оригинальными. В то время на Западе существовала весьма влиятельная партия сторонников совместного выживания СССР и США за счёт остального мира. Сахаров, собственно, подавал сигнал именно этой партии: ребята, мы вас услышали, вот наши условия, давайте разговаривать дальше. Сигнал был услышан: Сахаров получил «нобелевку».

Следует подчеркнуть, что демонстративное неудовольствие верхов сахаровскими выступлениями тоже входило в правила игры: в советской ситуации единственным способом продемонстрировать независимость человека от «начальства» было его как-нибудь наказать. Но наказывали Сахарова не больно – по крайней мере, до того момента, пока он не делал серьёзных ошибок.

Ситуация изменилась, когда стало ясно, что программа конвергенции провалилась – причём не по вине советской стороны. На Западе взяли верх «ястребы», полагавшие, что «совок» слаб, что его можно и нужно заломать окончательно, и одержать убедительную победу в «холодной войне». Соответствующие программы были свёрнуты, а Сахаров в качестве международного политика – не нужен и даже опасен. Сахаров, однако, не пожелал уходить в тень.

Тут, конечно, не обойтись без упоминания Елены Боннэр. Эту женщину многие считают «чёрной музой» Академика, полностью подчинившей его своей воле. Соответствующие истории о том, как она с ним обращалась в случае малейшего неповиновения, достаточно известны, чтобы их здесь повторять. Однако, первое впечатление обманчиво. Сахаров отнюдь не был жалким подкаблучником. На самом деле Боннэр была для Сахарова примерно тем же, чем была Хиллари Клинтон для бывшего президента Штатов – то есть чем-то вроде «жёсткого тренера», который гонит своего воспитанника к рекорду, не щадя ни его, ни себя, ни окружающих. Именно Боннэр вдохнула новую жизнь в сахаровские амбиции. Она заставляла его идти всё дальше и дальше. В частности, бросить науку (которую Сахаров любил) и становиться профессиональным политиком. Она же внушила ему, что человек такого масштаба, как он, может позволить себе жёсткую конфронтацию с советским истеблишментом. Легко представить себе, что она ему при этом говорила. «Они не посмеют тебя убить, Андрюша, ты слишком известен, ты им нужен, они не убьют тебя... а всё остальное можно вынести. Зато ты станешь лидером, настоящим лидером, Андрюша! И когда их режим рухнет... мы станем... понимаешь?» Компетентные органы, следившие за развитием ситуации, быстро прочухали, что к чему. Соответственно, было принято решение разбить опасный тандем, изолировав Сахарова от Боннэр. Засим последовала пресловутая ссылка, скандалы, потом - голодовки протеста, и всё остальное.

Надо сказать, что Сахарова почти что дожали. Особенное впечатление на него произвела госпитализация, насильственное кормление, и всё прочее. Он был уверен, что с ним, с видным представителем теневой номенклатуры, не посмеют обращаться как с простым диссидентом. В какой-то момент он уже был готов отступить и прекратить самовольничать – его уже волновало только сохранение лица. Однако, тут-то и появился Горбачёв, который снова ввёл эту фигуру в большую игру. Что такое был «феномен Горби», теперь уже, наверное, ясно. К власти пришли те самые товарищи, которые когда-то проталкивали «конвергенцию», а теперь дозрели до идеи почётной капитуляции перед Западом в обмен на принятие в клуб. Правда, цена вопроса за истекший период неимоверно возросла – о чём Сахаров, кстати, не знал.

Ранняя программа «конвергенции» сводилась к следующему: Советский Союз и его союзники принимается в клуб развитых стран «на равных», получает доступ к их финансовым ресурсам, рынкам и технологиям, его социально-экономический строй трансформируется до среднеприемлемого уровня, после чего «клуб сильных стран» начинает мирно управлять планетой. Во времена Горбачёва Запад выдвинул свои, крайне жёсткие условия.

Во-первых, Советский Союз должен быть ликвидирован: «на Запад» обещали взять только Балтику, Россию (включаящую Украину и Белоруссию), и, возможно, Грузию. От остальных велено было избавиться. Я хорошо представляю себе, как западные политики объясняли «другу Горби»: «Поймите же, наконец, что ни мы, ни вы никогда не сможете сделать западными людьми таджиков и узбеков. Это другая цивилизация. Запад есть Запад, Восток есть Восток. Мы готовы, наконец, признать Россию западной страной – но только её. Избавьтесь от этого азиатского груза, и мы признаем вас своими...» Во-вторых, общественный строй новой России должен был быть чисто западный, а никакой не «конвергентный». И, наконец, Россия должна была отказаться от самостоятельной внешней политики, в обмен на включение в создававшиеся тогда структуры «коллективной ответственности».

Мы уже знаем, как Запад обманул советское руководство. Но тогда воодушевлённый Горби был на коне. Разумеется, он вспомнил о фигурах, которыми играли его предшественники. И Академик был вызван в Москву, чтобы, наконец, заняться настоящей большой политикой.

Тут мы подошли к самому тонкому и сложному моменту во всей этой запутанной истории, а именно к отношениям Сахарова и советского диссидентского движения. Канонический Миф об Академике гласит, что Сахаров быстро стал «духовным лидером» либерального движения, и его авторитет в нём был непререкаем. В кругу своих же они рассказывают другое. По сути дела, Сахаров был «фигурой» в основном из-за его огромных международных связей. Внутри диссиды Академик воспринимался в качестве «полезного попутчика», которого, конечно, надо использовать, но которому не следует доверять. Особенно явственно это проявилось именно в этот последний период его деятельности, когда в преддверии близкой победы борьба между бывшими соратниками достигла нешуточного накала.

Вот цитата из воспоминаний всё того же Сергея Адамовича Ковалёва, который иногда проговаривается об

интересном. «...Высочайший авторитет А.Д. не стал препятствием для резкой (и чаще всего несправедливой) критики со стороны некоторых его друзей-правозащитников в 1987–1989 гг. Тогда, вернувшись из горьковской ссылки, он начал активно сотрудничать в ряде вопросов с новым руководством страны... Блюстителей чистоты диссидентских риз это не интересовало – их глубоко шокировал сам факт сотрудничества с коммунистическим правительством. Как им казалось, это означало сдачу позиций... А когда А.Д. согласился баллотироваться в народные депутаты СССР, находились люди, которые прямо обвинили его в отступничестве и в измене идеалам. Как же, ведь советская власть – нелегитимна, выборы – недемократичны и, вообще, вся горбачевская перестройка – убогая попытка замаскировать античеловеческую сущность режима. А академик своим беспринципным поведением помогает Горбачеву вводить людей в заблуждение. В воздухе повисло слово «коллорабационизм».

А вот не менее интересные признания Глеба Павловского, человека весьма информированного: «...Диссиденты поздно включились в процесс и, чтобы не отстать от поезда, были готовы на все. И пока они медлили, все советское инакомыслие загнали в колхоз имени Сахарова... Андрея Дмитриевича определили живым символом движения, хотя на самом деле он был всего лишь одним из 10-15 человек, которые стояли в первом ряду движения. Тот же Анатолий Марченко, чья смерть вынудила Горбачева ускорить амнистию политзаключенных, был ничуть не менее авторитетен в Движении. Но теперь его не было, Амальрика не было в живых, Солженицын запаздывал, Зиновьев ушел в глухой отказ... Диссидентам было предложено переселиться в эту потемкинскую деревню гласности, признать «Огонек» наследником традиций правозащитного движения».

В общем, если уж говорить без экивоков, Сахаров был назначен на должность главного оппозиционера страны. Инициатива исходила от Горбачёва, и оппозиция, покочевряжившись, это назначение утвердила. Протолкнула же это «утверждение» со стороны оппозиции, скорее всего, неутомимая Елена Боннэр, которая могла поручиться перед соратниками, что Академик, когда это потребует, немедленно выйдет из-под контроля партократов и встанет на правильную сторону. И, наконец, с третьей стороны, эта кандидатура была утверждена Западом.

Был ли Сахаров наиболее вероятным кандидатом на пост будущего Президента России? Несомненно. Это понимали все, в том числе, конечно, и он сам. Он даже начал упражняться в написании конституций, составив таковую для гипотетического «Союза Республик Европы и Азии» (так, по его мнению, должно было называться то, что останется от СССР). Сейчас об этом курьёзном документе предпочитают не вспоминать, в лучшем случае называя его «утопическим». С другой стороны, такого рода литературные опыты вполне естественны для интеллигентного человека, примеряющего на себя роль национального лидера, этакого российского Вацлава Гавела...

Смерть Сахарова сломала все эти планы. Но и шкура мёртвого льва находит себе применение. Фигура Академика оказалась крайне удобной для легитимизации и канонизации «демократической идеологии».

Взялась за эту работу всё та же неутомимая Елена Боннэр, которой совсем не улыбалось оказаться вне политического процесса. Имея опыт работы «играющим тренером» претендента на высшую власть в стране, она вполне готова была взяться за то же самое, но только для всей «демократуры» в целом. Соответственно, начал разворачиваться «сахаровский проект», предполагавший создание целостной, непротиворечивой идеологии на основе «правозащитных идей», осенённый именем покойного Академика.

Дальнейшее мы все знаем. Сейчас уже можно констатировать, что «демшиза» как относительно единый слой не смог удержать в своих руках власть, хотя до самого последнего времени располагал немалыми ресурсами для оказания давления и на власть, и на общество. Елена Боннэр участвовала во всём этом активно участвовала. Последней её ролью на сегодняшний день является активнейшее участие в «защите НТВ». Но, будьте уверены, она себя ещё покажет.

Теперь, наконец, последнее. В чём, собственно, состоит защищаемая Боннэр позиция?

Разумеется, от реальных «идей Сахарова» она весьма далека – просто потому, что время изменилось. Уже понятно, что Запад кинул, как детишек, лоховатых советских «конвергентов» с их «новым мышлением». Распад Союза и сдача Западу всех позиций привели, как тому и полагалось быть, не к вожделенному принятию в клуб Развитых Стран, а к банальному разграблению и вытеснению в третий мир. Нынешние духовные потомки «конвергентов» мечтают уже не о месте в Мировом Политбюро (где видел себя Академик), а на убогую и жалкую роль колониальной администрации. Всё свелось к банальной смердяковщине, к мечте о том, как «умная нация покорила бы весьма глупую-с». Все мечтания кончаются на голубых танках ООН и серых бронированных машинах НАТО, которые, наконец, навели бы в этом проклятой стране, где у них, таких

умных, ничего не получилось, нужный им порядок. Но, увы, Запад медлит, и даже с финансированием радикально-западнического крыла российской интеллигенции начались проблемы.

На последнем праздновании дня рождения Сахарова – между прочим, было восьмидесятилетие – зал был полупустым. Из видных политиков пришли только Ковалёв и Юшенков, которым уже нечего терять, да ещё Григорий Явлинский. Сама Елена Боннэр даже не вышла на сцену, чтобы не ронять остатки достоинства. Как выразился Остап Бендер, наступил кризис жанра. Идея себя окончательно исчерпала. В чём же мораль сахаровской эпопеи? Она банальна. Всё началось с того, что в советской политике появилось течение, предполагающее, что с геополитическим противником можно и должно договориться, поступившись такой мелочью, как принципы. Потом противник заломил цену, потребовав расплаты всякими материальными вещами, в том числе территорией, ресурсами, и прочими вполне материальными ценностями. Но советские лохи, вообразившие себя «макьявеллями» и «талеяранами», уже втянулись в торг, возделенная цель манила и слепила очи. Место в Цивилизованном Мире манило, как Царствие Небесное, как драгоценная жемчужина, за которую уже не жалко отдать всё состояние. В конце концов, пожертвовав всем, они узнали, что слово, данное лоху, за слово не считается, и что в Западное Царствие Небесное таких не берут.

Измена Родине себя не окупает.

«Спецназ России», №6 (57) июнь 2001 года

Автор: Константин Крылов © Babr24.com ОБЩЕСТВО, РОССИЯ 👁 3599 18.12.2009, 10:27 📄 254

URL: <https://babr24.com/?ADE=82881> Bytes: 41837 / 41826 Версия для печати

👍 [Порекомендовать текст](#)

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)

- [ВКонтакте](#)

Связаться с редакцией Бабра:

newsbabr@gmail.com

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: [@babr24_link_bot](#)

Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь

Телеграм: [@bur24_link_bot](#)

эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова

Телеграм: [@irk24_link_bot](#)

эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская

Телеграм: [@kras24_link_bot](#)

эл.почта: krsyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская

Телеграм: [@nsk24_link_bot](#)

эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин
Телеграм: @tomsk24_link_bot
эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"
Телеграм: @babrobot_bot
эл.почта: equatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)